

Новый лауреат Государственной премии России режиссер Григорий Козлов — один из тех, кого причисляют к новой волне петербургской режиссуры, к которой прикованы взгляды всех любителей и профессионалов театра. Которую боготворит и лелеет московская критика. Долгое время считалось, что популярность Козлова — авансовая. Ему, не «приписанному» ни к одному театру, никак не удавалось «наладить производство», часто выпускать спектакли. Его внепространственное, почти фантомное существование становилось социальной проблемой: новая режиссура и в столицах, и в провинции не может включиться в реальный театральный процесс — из-за пресловутого «кадрового» вопроса. Пару сезонов назад ситуация изменилась: Григорий Козлов, объединив вокруг себя крепкую группу актеров, прежде всего Алексея Девотченко и Александра Баргмана, сколотил отдельный неформальный театрик, который он перемещал туда, куда его приглашали ставить спектакли. Заговорили о вольной антрепризе, существующей в рамках нескольких репертуарных театров. Последняя премьера Козлова — постановка драмы Герхарта Гауптмана «Перед заходом солнца» в самом БДТ имени Товстоногова. В роли Клаузена — Кирилл Лавров.

ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ, скажите, пожалуйста, чем был определен выбор этой пьесы, помимо того, что она удачно «ложится» на актерский коллектив БДТ и дает возможность выступить в центральной роли Кириллу Лаврову — впервые за последние десять лет?

— Все же главным для меня было это. Масштаб личности Кирилла Юрьевича Лаврова. Получился спектакль о светлом поколении, прошедшем войну. О молодых лейтенантиках. Мой отец из этого поколения... При всех раскладах все определяют люди. Их энергетика, индивидуальности. Актеры притягивают к себе пьесу.

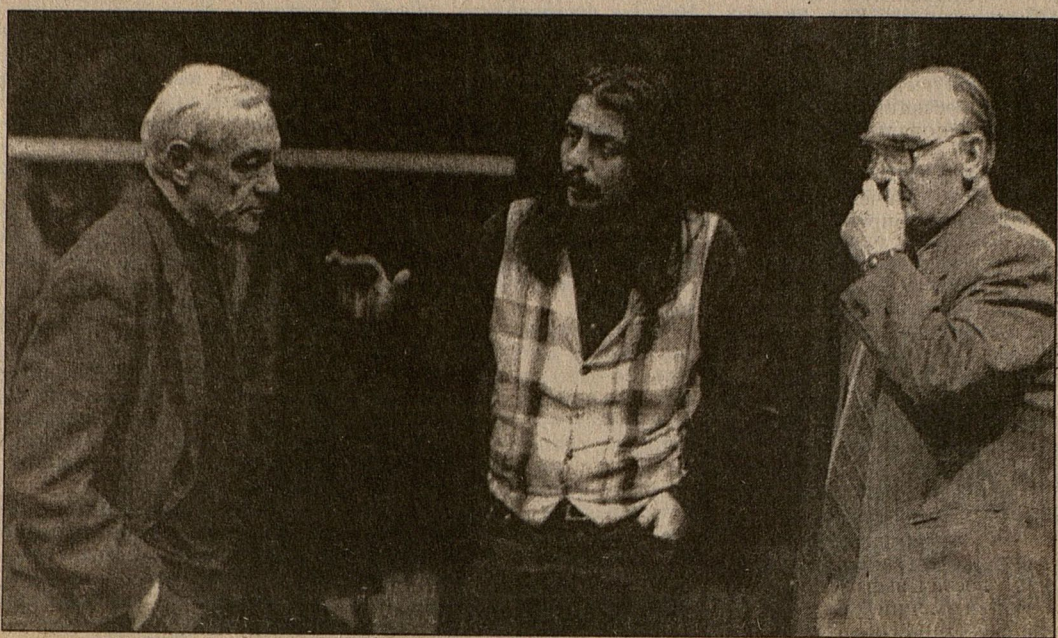
— Трудно ли было ставить пьесу Гауптмана?

— Я скажу так: пьеса слишком немецкая. Хорошая, но немецкая. И это трудно и для артистов, и для меня.

Григорий Козлов: о первой любви

Независимая газета. — 2000. — 15 июня. — с. 7

РЕЖИССУРА НОВОЙ ВОЛНЫ

Григорий Козлов репетирует с Кириллом Лавровым. Фото ИТАР-ТАСС

— Вероятно, именно поэтому была выбрана форма неспешного, подробного прочтения? Вы однажды сказали, что признак современного спектакля — острая игровая ситуация, в которой актер, опережая зрителя, стремительно думает и живет. В гофманском спектакле «P.S.» в Александринском театре так и было. В «Перед заходом солнца» — иной ритм, тип актерской игры, который не подходит под ваше определение.

— Все же есть традиции БДТ, актерские привычки. Тем более что в БДТ спектакль построен на прямом сюжете, а в Александринском театре, где играют только молодые, — на перевернутом.

— Разве вам не хотелось поспорить с традицией, с теми же привычками?

— Мне кажется, этот спор можно увидеть в нашем спектакле. Но для меня гораздо важнее помочь актеру раскрыть себя, чем навязать свои идеи.

— Когда же бывает польщено ваше режиссерское самолюбие?

— Когда я понимаю, про что играют артисты, когда я физически реагирую на их игру. — Это счастье. Каждый спектакль — как отдельная жизнь. Которая никогда не повторяется. Тогда приятно думать, что все наши репетиционные мучения прошли не зря.

— Что, по вашему мнению, есть «современный спектакль»?

— Вот вы говорите: «P.S.» и «Перед заходом солнца» — два разных по стилистике спектакля. Может быть, так проявляется современный художник? Тот, кто, исходя из природы данного автора, театра, актера, того воздуха, которым режиссер сегодня дышит, ставит непохожие друг на друга спектакли. Есть режиссеры, которые всю жизнь ставят одну театральную эпопею. Мне это кажется скучным, хотя я человек не осуждаю. Конечно, человек от себя никуда не уйдет, он сознательно и бессознательно обсуждает какие-то свои, свои собственные проблемы. Но автор, актерская природа могут подарить иные формы, иные приемы. В этом процессе постоянного открытия для меня и заключена магия театра.

— А вы могли бы назвать темы, которые сознательно и бессознательно обсуждаете?

— Мне легче сказать, что меня не интересует. Мне не интересен социум. Мне хочется говорить о нравственных проблемах — о долге, о любви...

— В критических статьях о вас слово «любовь» встречается в каждом абзаце.

— Меня интересуют люди, которые любят, ищут, страдают. Нормальные люди. Раскольниковы, например.

— Нормальный человек?

— Да. Он слабый человек. Убил, но по пути Наполеона пойти не смог.

— Раскольников вам интереснее Наполеона?

— Конечно. И Достоевскому он явно интереснее. Мы знаем многих, кто переступает. А он почему-то не смог. У Достоевского описаны все причины его поступка. И неудачная первая любовь, о которой обычно никто не вспоминает...

— Неудачная любовь как одна из причин убийства?

— Да.

— Раскольников убивает из-за первой любви, а дети Клаузена в «Перед заходом солнца» объявляют его сумасшедшим также из-за любви к нему. Коварное чувство — любовь...

— Кажется, что первая любовь — ерунда, но именно в этот момент человек получает положительный или отрицательный заряд на всю жизнь. В Библии сказано: «Проклинаю тебя за то, что ты предал первую любовь свою». Вы спрашивали о темах, может быть, эта — одна из самых важных для меня. Даже у Епиходова все определяет его несостоявшаяся любовь.

— Когда вы анализируете образы, это наиболее важный момент?

— Да. И в жизни тоже. Я смотрю на некоторых режиссеров, которые бегают, орут, прикрываются большими идеями... А нужно заниматься собой.

— XX век в России начался с конверсии религиозных идей в театральные: театр-храм, этическое оправдание лицедейства, ансамблевость как нравственный принцип. Как вы относитесь к традиционному театру теперь, когда принято критиковать модель репертуарного театра?

— Я пытаюсь существовать по традиционным принципам. Для меня альтернативы нет. Мне интересен только театр-дом. Театр-дом — русский способ существования, и мы не случайно в свое время к нему пришли.

— Многие театры-дома сейчас превратились в уродливые образования с неподъемным актерским штатом.

— Я много ездил по провинции, ставил спектакли. К театру в России трепетное отношение. Это духовная ниша, которая постоянно требует заполнения. Вот, например, в Красноярске я поставил «Вишневый сад». Там двадцать лет Чехова не ставили, боялись, что публика не пойдет. Наш спектакль живет пять лет. Коммерческие проекты, которые начинались тогда же, уже канули в Лету, а наш — живет. Это к модному вопросу о конкурентоспособности... Выходит, и Труппа, и город изголодались

по Антону Павловичу. И в каждом городе, где я был, чрезвычайно трудно было себе представить какой-либо иной тип театра, кроме «театра-дома». Москва живет иной жизнью, чем вся страна. Другие деньги, другие темпы...

— Я пытаюсь вывести вас на сугубо театральные темы, а вы сразу заговариваете о человеческих отношениях.

— Для меня это главное. Найти доверие и не потерять его.

— Наверное, такие отношения у вас сложились с театром в Красноярске, куда вы не раз хотели уехать? Кстати, почему?

— Да, был у меня такой период, когда хотелось уехать туда, там было подлинное сотворчество, возникшее на основе доверия... Но сейчас мне уехать уже не хочется — работы и в Петербурге много.

— А бывает, когда хочется сказать: пошел он к черту, этот театр?

— Бывает. Когда очень перегрузишься. После сдачи спектакля хочется отдохнуть хотя бы недельку, а времени нет. Иногда портится настроение, когда работаешь, и вдруг представишь, что кто-то напишет статью, руководствуясь не творческими соображениями, а всей околотеатральной кухней.

Санкт-Петербург—Москва

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Козлов Григорий Михайлович — режиссер театра. Родился 6 марта 1955 года в Ленинграде. Окончил Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (1989). С 1996 года руководитель режиссерского курса Санкт-Петербургской театральной академии. Поставил спектакли: «Москва. Моление о чаше», «Преступление и наказание» (Санкт-Петербургский ТЮЗ), «Концерт Саши Черного для фортепиано с артистом» и «Дневник провинциала в Петербурге», «Фрекен Жюли» и «Вишневый сад» (Красноярский театр драмы имени Пушкина), «Саломея» (Омский драматический театр), «P.S.» (Александринский театр), «Лес» (Театр на Литейном), «Перед заходом солнца» (АБДТ имени Товстоногова). Репетирует в Театре на Литейном «Золотого теленка», а в ТЮЗе чеховского «Лешего». Живет в Санкт-Петербурге.